

Шевич С.Д

**Кое-что о строевых уставах
конницы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
С11

С11 **С.Д Ш.**
Кое-что о строевых уставах конницы / Шевич С.Д – М.: Книга по Требованию,
2025. – 120 с.

ISBN 978-5-521-30843-9

ISBN 978-5-521-30843-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чайная боль въ деснѣ, обнаружить какуюю простымъ осмотромъ бываетъ иногда почти невозможно, т. е. помогало собственно не работанье лѣвымъ поводомъ, а просто случайная боль проходила и лошадь могла опять переносить давленіе мундштука обѣими деснами одинаково. Но если чувствительность десны происходитъ отъ органическаго недостатка, напр. отъ слишкомъ заостреннаго положенія верхняго края челюстной кости, который какъ бы рѣжетъ надавливаемую на него мундштукомъ десну, или что нибудь въ этомъ родѣ, то тутъ никакимъ работаньемъ поведѣевъ не поможешь; этимъ работаньемъ производишь только постоянное раздраженіе десны, дѣлаешь лошадь все упрямѣе и неподатливѣе и не добьешься никакого толку; тутъ есть только одно средство, которое слѣдуетъ примѣнить безъ всякихъ разговоровъ: надо поскорѣе наколоть булавкой, или вообще причинить какую нибудь довольно серьезную боль здоровой деснѣ и не переставать ѣздить каждый день, при чемъ лошадь поневолѣ будетъ оберегать болѣе больную сторону (положимъ, правую) и сама приучитъ лѣвую челюсть (бывшую чувствительную) къ давленію мундштука. Если заостреніе челюстной кости слишкомъ велико, то появляется опухоль десны, которая проходитъ скоро; иногда появляется, даже, нарывъ, который созрѣвши лопается, и переработанная послѣ этого мясная ткань десны не боится уже заостренія кости, которое тоже, надо полагать, нѣсколько округляется и притупляется послѣ нарыва; но ѣзду слѣдуетъ производить все время, не переставая (на мундштукѣ), разумѣется болѣе осторожно, ну, тамъ—хлѣба давать лошади и т. д.—и послѣ этого скверной привычки какъ не бывало. Многіе берейторы знаютъ это средство, но въ глаза называютъ его варварскимъ, а за глаза употребляютъ его преисправно, такъ какъ знаютъ, что другаго средства отъ этой привычки нѣтъ и что болтаніе поводьями продѣлывается только для поддержанія своего искусства. Но возиться такимъ манеромъ можно только съ собственными лошадьми, да и то въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, когда свободнаго времени больше, а когда приходится отгонять каждый Божій день 150 лошадей, то уже не до этого, и продѣлывать сказанную штуку можно было развѣ-что только съ одной или двумя слишкомъ показными лошадьми, а потому въ каждомъ эскадронѣ, да особенно еще со времени введенія короткихъ сроковъ службы, такихъ лошадей оказывается очень много, и число ихъ увеличивается изъ года въ годъ; на нихъ можно продѣлать всю манежную ѣзду на одномъ поводѣ, потому-что онѣ видятъ то, что дѣлаютъ сосѣднія лошади и потому-что отлично понимаютъ всѣ команды и сигналы не хуже насъ съ вами, только не тревожатъ и не сердите ихъ. Но всю ѣзду можно продѣлать и безъ поведѣевъ, однимъ уклоненіемъ корпуса и шенкелями, что еще разъ доказывается, что можно приучить лошадь ко всему и безъ мундштука и что она будетъ исполнять все, пока пожелаетъ,—а разъ не пожелаетъ, то заставить ее, разу

мѣется, можно—но только не мундштукомъ. Про вытягиванье повода и сопряженные съ нимъ маяты не можетъ быть и рѣчи при ѣздѣ на уздечкѣ, потому-что уздечка лежитъ не на дѣснахъ (на такъ называемомъ беззубомъ краѣ), а гораздо выше, и если пригнана вполнѣ правильно, то должна приходиться какъ разъ въ углахъ губъ; если лошадь начинаетъ держать иногда голову въ сторону и на уздечкѣ, т. е. косить поводьями, и если это капризъ, а не боль въ губѣ, то отбучить ее отъ этого въ одно ученье—самое пустое дѣло. б) *Захватъ мундштука губою*, кромѣ того, что весьма некрасивъ и даже неприличенъ для глаза, потому-что губа, желая захватить боковую щечку мундштука, выворачивается и выставляетъ наружу свою красную подкладку, но это въ значительной степени затрудняетъ правильное управленіе лошадыю; отбучить отъ этой привычки нельзя и при неосторожномъ обращеніи можно серьезно поранить губу лошади. А при ѣздѣ на уздечкѣ подобная продѣлка лошади немислима, да и не нужна ей вовсе. в) *Перекидыванье языка*. У всякой лошади является весьма естественное желаніе,—выплюнуть какую-то попавшую ей въ ротъ постороннюю вещь, что она и старается исполнить съ самыхъ первыхъ уроковъ выѣздки, и вотъ она начинаетъ выдѣлывать языкомъ всевозможныя штуки; но затѣмъ большинство лошадей привыкаютъ къ этому чувству, а иныя, болѣе хитрыя, ни за что; но кромѣ того имѣются еще и болѣе серьезныя причины, развивающія привычку перекидывать языкъ. Мундштукъ кладется въ ротъ такимъ образомъ, чтобы сдѣланная на удилахъ дуга (параллельная, т. е. вѣрнѣе, лежащая въ одной плоскости съ боковыми щеками мундштука) лежала на языкѣ плашмя, при чемъ выпуклость дуги обращена кверху, т. е. къ горлу. Когда начинаютъ натягивать поводья (прикрѣпленные къ нижнимъ концамъ щечекъ, именуемыхъ дужками), мундштукъ начинаетъ поворачиваться около своей оси (удило, лежащее на языкѣ и дѣснахъ), при чемъ дуга, лежавшая доселѣ плашмя, начинаетъ отдѣляться отъ языка, становится въ перпендикулярное положеніе и упирается въ нѣбную кость, что причиняетъ значительную боль; тогда лошади, изъ тѣхъ, что похитрѣе, выдерживаютъ языкъ изъ-подъ мундштука, перекадываютъ его наверхъ, и этимъ толстымъ слоемъ мяса защищаютъ нѣбную кость отъ давленія дуги, при чемъ всякое управленіе мундштукомъ парализуется—лошадь бѣжитъ себѣ, какъ хочетъ, и исполняетъ движенія кой-какъ, глядя на другихъ лошадей; но такъ какъ давленіе дужки на языкъ производитъ также порядочную боль и лошадь избираетъ только въ этомъ случаѣ изъ двухъ болѣе меньшую, то языкъ, отъ прекращенія правильной циркуляціи крови: синѣетъ, наливается кровью, немѣетъ, вываливается изъ рта и болтается въ видѣ безобразной колбасы. Тогда приходится слѣзть съ лошади и переложить ей языкъ на мѣсто руками; но какъ только сѣли и поѣхали, она тотчасъ перекидываетъ его опять, и т. д., безъ конца.

Отъучить отъ этой привычки нѣтъ никакой возможности, и обыкновенно такимъ лошадямъ привязываютъ языкъ къ нижней челюсти тоненькимъ шнурочкомъ; но такъ какъ языкъ слишкомъ скользкій, да къ тому же имѣетъ видъ конуса, обращеннаго острымъ концомъ книзу, то для того, чтобы лошадь не могла вытащить его и изъ-подъ шнура, приходится сначала перетянуть, весьма туго, языкъ, а потомъ уже привязать его къ челюсти; при чемъ лошадь не перестаетъ дѣлать самыя отчаянныя усилія, чтобы освободить какъ языкъ отъ этой новой боли, такъ и небную кость отъ давленія дужки,—и все это кончается тѣмъ, что языкъ потирается и появляется болѣзнь *Ящуръ*, послѣ которой почти всегда отпадаетъ языкъ, или лошадь слѣпнетъ отъ постоянного прилива крови къ головѣ, происходящаго отъ давленія дужки на небную кость; въ обоихъ случаяхъ лошадь для службы пропадаетъ. А при ѣздѣ на уздечкѣ перекидывать языкъ нѣтъ надобности и нѣтъ возможности, потому что удило уздечки лежитъ гораздо выше (въ углахъ губъ) и сократить или вобрать въ себя языкъ на столько, на сколько это потребовалось бы для перекидки его черезъ уздечечное удило—невозможно; къ тому же удило уздечки на столько легко и подвижно, что поднимается само при каждомъ взбалтываніи языка; между тѣмъ какъ мундштучное желѣзо, кромѣ того, что чрезвычайно тяжело, но лежитъ низко (почти-что у конца рта), а главное оно неподвижно, т. е. прикрѣплено цѣпочкой къ нижней челюсти, и кромѣ того носъ лошади стянутъ ремнемъ *переносья* для того, чтобы она не могла открывать рта, безъ чего вращательное дѣйствіе мундштука, какъ рычага, невозможно. Всѣ эти условія чрезвычайно облегчаютъ и какъ бы подсказываютъ возможность перекидки языка, только наше счастье, что дуры лошади не всѣ догадываются дѣлать это. Благодаря тѣмъ же условіямъ, походомъ невозможно напоить замундштученную лошадь, а также пуститься съ нею впасть—неудобства, о которыхъ нѣтъ и помина при ѣздѣ на уздечкахъ. 4) Лошадь, которая вытянетъ шею и морду въ прямую линію, закусить и понесетъ, невозможно остановить, потому-что единственное условіе, при которомъ можно добиться чего нибудь отъ лошади посредствомъ мундштука, есть то условіе, чтобы она держала голову въ перпендикулярномъ положеніи, а потому въ этомъ случаѣ приходится браться за трезвельные поводья (та же уздечка), при чемъ и уздечкой невозможно остановить лошадь силою, т. е. посредствомъ натягиванья поводьевъ на себя—силъ на это ни у какого Геркулеса не хватитъ. Для этого надо: а) неожиданно, отдавъ на нѣкоторое время поводья, сразу опрокинуться корпусомъ назадъ, дернувъ при этомъ и поводья на себя, при чемъ иногда маневръ этотъ удается, желѣзо уздечки выскакиваетъ изъ стиснутыхъ зубовъ, падаетъ въ углы губъ и тогда справиться не трудно. б) Надо ударить нѣсколько разъ поводьями на перекосы, т. е. однимъ поводомъ книзу, а

другимъ — сверху, послѣ чего то же желѣзо уздечки иногда выскакиваетъ и падаетъ въ углы губъ. в) Надо начать пилить уздечкой съ право на лѣво, при чемъ желѣзо уздечки выскакиваетъ и падаетъ въ углы губъ; но и тутъ это происходитъ не столько отъ того, что желѣзо вырвано силой, сколько отъ того, что при пиленіи этомъ голова лошади начинаетъ трепаться изъ стороны въ сторону, какъ тряпка, лошадь ошатывается, какъ нибудь забудется и выпускаетъ желѣзо изъ зубовъ; способъ этотъ удается всегда, но въ крайнемъ случаѣ, особенно если нѣтъ мѣста для продолжительнаго скаканія, надо взять какой нибудь одинъ изъ поводьевъ, хоть двумя руками, притянуть голову лошади, на сколько хватитъ возможности, ближе къ своему колѣну и лошадь, описавъ круга три, четыре, все меньшіе и меньшіе, остановится. Продѣлать же все это на мундштугѣ невозможно: во первыхъ, онъ слишкомъ толстъ и массивенъ, чѣмъ представляетъ большое удобство быть захваченнымъ въ зубы, какъ въ клещи, а во вторыхъ, если бы онъ и выскочилъ даже и попалъ въ углы губъ, то отъ этого никакой пользы не воспослѣдуетъ, какъ вслѣдствіе особенностей устройства мундштука, такъ и вслѣдствіе горизонтальнаго въ то время положенія головы лошади, при которомъ дѣйствіе мундштука равняется нулю. Для того, чтобы лишить лошадь возможности закусывать удило *уздки*, слѣдуетъ притонять ее возможно тщательно: а) чтобы она отнюдь не была длинна и удило приходилось какъ разъ въ углахъ губъ и б) чтобы ремень переносы былъ какъ разъ по мѣрѣ, но никакъ ни длиннѣе, что и надо тщательно смотрѣть при покупкѣ новой уздечки или другой лошади.

Если лошадь продолжаетъ нести и послѣ того, что удило уздечки вырвано изъ ея зубовъ, что происходитъ отъ слишкомъ нечувствительныхъ и сильныхъ губъ, то для приданія ей такъ называемаго *шоловаго* повода, надо продолжать пилить поводьями, при чемъ голова ея уже перестаетъ болтаться, а прорѣзываются только углы губъ, хотя бы на полвершка; послѣ чего слѣдуетъ продолжать ѣзду непременно каждый день, только не на тонкомъ (казачьемъ) удилѣ, а на манежномъ, т. е. на толстомъ, округленномъ, смазывая губы прованскимъ масломъ, пока онѣ не заживутъ совсѣмъ и на этомъ мѣстѣ не образуется рубецъ, самъ по себѣ не болящій, но остающійся навсегда весьма чувствительнымъ къ поводу; при этомъ слѣдуетъ обходиться съ лошадью ласково, давать ей хлѣба и т. д., чтобы она чувствовала, что человѣкъ сердиться на нее зря не станетъ, что она отлично понимаетъ. Но есть лошади, которыя не такъ-то легко покоряются человѣку, стараются перехитрить его, не даютъ напилить себѣ губы и поднимаются вотъ на какія штуки: какъ только она понесетъ и вы начинаете ей пилить, она задеретъ, т. е. просто опрокинетъ голову совсѣмъ стоймя, да такъ и продолжаетъ лѣзть, вслѣдствіе чего пиленіе приходится уже не по губамъ, а по ко-

реннымъ зубамъ, что для нея вздоръ, а потому оно перестаетъ достигать цѣли; а во вторыхъ, скача въ такомъ положеніи лошадь ничего передъ собою не видитъ, можетъ спотенуться на самомъ пустачномъ препятствіи, упасть и расшибить вась въ дребезги; правда, что при паденіи можетъ достаться и ей самой, но она рассчитываетъ или отдѣлаться легкимъ ушибомъ, или рѣшилась уже на все. Нечего дѣлать, приходится оставаться на этотъ разъ въ дуракахъ; отпускаешь немного поводья, прекращаешь пиленіе, а она радуется и несетъ до тѣхъ поръ, покуда ей хочется. Мнѣ случалось летать подобнымъ образомъ по 12 и болѣе верстъ, благо дѣло происходило въ степныхъ мѣстахъ, причемъ черезъ препятствія, которыя лошадь считала себѣ по силамъ, она перелѣтала какъ птица, а передъ препятствіями видимо непреодолимыми, она сразу останавливалась на всѣ четыре ноги, или, сдѣлавъ неожиданный поворотъ въ сторону, обскакивала ихъ и продолжала чесать во всѣ лопатки, такъ-что тутъ бывало уже не до пиленья, а знай сиди только. Употребляемый въ подобномъ случаѣ *мертвый* мартингалъ (прикрѣпляемый подъ брюхомъ лошади за подпругу) неудобенъ, потому-что если пустить его длинно, то лошадь можетъ все таки задрать голову довольно высоко, слѣдовательно онъ не достигаетъ цѣли; а если пустить его короче, то на скаку, особенно при прыганьи черезъ препятствія, лошадь можетъ порвать его, или подпруги, или то и другое вмѣстѣ, или упасть, потому-что не будетъ имѣть возможности вытянуться на столько, сколько это необходимо для скачка; кромѣ того мартингалъ этотъ слишкомъ стаскиваетъ подпруги и даже самое сѣдло, совсѣмъ напередъ, почти-что на шею лошади. Англійскій мартингалъ, хотя нѣсколько удобнѣе въ томъ отношеніи, что даетъ лошади возможность вытягиваться, на сколько это окажется ей необходимымъ, за то онъ имѣетъ гораздо меньше силы (по системѣ блоковъ), нежели мертвый коротко подтянутый мартингалъ, и кромѣ того онъ стаскиваетъ сѣдло одинаково. Основываясь на всемъ этомъ, мнѣ удалось напасть на самый лучший и исполнѣ дѣйствительный способъ, а именно: въ тому же удилу пристегнуть вторую пару поводьевъ, пропустивъ сначала концы ихъ въ стремяна. До поры, до времени, поводья эти должны висѣть свободно на передней луцѣ, а какъ только начнется баталія, то слѣдуетъ взяться за нихъ, бросивъ первые, и тогда—шалишь лошадеа! Во первыхъ сила блоковъ очень велика и голову опустишь ей сразу, во вторыхъ можно производить пиленіе сколько угодно, въ третьихъ, скачи черезъ препятствія сколько хочешь и въ четвертыхъ сѣдло остается постоянно на мѣстѣ, потому-что стремяна подвижны, а для того, чтобы они не уходили впередъ, ихъ держишь напоромъ ногъ. При этихъ условіяхъ лошадь долго не напрыгается, но необходимо прописать ей за одно добрую баню нагайкой, чтобы доказать ей слѣдующее: «быю тебя нагайкой, но скакать не пущу; пилю тебѣ

ротъ, но головы задрать не дамъ; слѣдовательно дѣлаю и то и другое, чтобы наказать тебя и отвадить отъ дурной привычки; а потому на сей разъ приходится оставаться въ дурахъ—тебѣ, а не мнѣ—покоряйся!» И дѣйствительно, рѣдко приходилось прописывать баню эту одной и той же лошади два раза, почти всѣ окончательно покорялись послѣ первой, и мнѣ случалось приобретать прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ лошадей, подвергнутыхъ этой привычкѣ, или за безцѣнокъ, или просто даромъ; а объѣздивъ ихъ они становились вполне послушными и великолѣпными лошадьми, служившими неподражаемо или мнѣ самому, или за нихъ предлагали очень хорошія цѣны. Разумѣется, что если лошадь съ *колеромъ*, или расположена къ нему, что сейчасъ видно по строенію ея головы, то это есть уже серьезная болѣзнь, а не капризъ, и съ такою лошадью нельзя ничего сдѣлать, да и не стоитъ ни себя, ни ее беспокоить. 5) Отъучить лошадь отъ какогонибудь другаго каприза, напр. отъ закидыванья, отъ нежеланія отходить отъ фронта, отъ пуганья и т. п., одинаково трудно, какъ на мундштугѣ, такъ и на уздечкѣ, при чемъ на лошадей, ходящихъ подъ мундштукомъ (регулярной кавалеріи) все таки удобнѣе надѣвать въ этихъ случаяхъ уздечку (манежную), и если капризъ происходитъ отъ органическихъ недостатковъ, напр. неправильнаго устройства зрачка, которое представляетъ лошади всѣ предметы къ верху ногами, близорукости, дающей поводъ не различать издали предметовъ и воображать, что это не вѣсть какія страсти; отъ сильнаго ушиба, полученнаго напримѣръ при прыганьи черезъ препятствіе, въ первый разъ; отъ навсегда остающагося непріятнаго впечатлѣнія, послѣ выстрѣла, слышаннаго въ первый разъ, слишкомъ близко отъ уха и т. д., то отъ подобныхъ капризовъ, которые собственно говоря уже не капризны, никогда и ничѣмъ не отучишь, а надо только принять ихъ къ свѣдѣнію; отъучить же отъ капризовъ, происходящихъ изъ хитрости или упрямства, можно только настойчивостью, терпѣніемъ и умѣренной строгостью. Такъ напримѣръ, выѣхавъ однажды на упрямой лошади въ 10-ть часовъ утра изъ Царскаго села, мнѣ пришлось доѣхать до Павловска только къ 6-ти часамъ вечера, потому-что она пыталась все вернуться домой, и изъ-за этого приходилось биться на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ мостикѣ, на каждомъ поворотѣ и для порядка возвращаться каждый разъ назадъ и начинать съизнова совершеніе благополучнаго проѣзда мимо провинившихся перекрестковъ, при чемъ приходилось иногда осаживать чуть-что не на версту; послѣ послѣдняго вполне благополучнаго мимо всѣхъ перекрестковъ прохожденія лошадь была прилично взодрана, принуждена пройти во второй послѣдній разъ всю дорогу, тамъ покатайся немного, а вернувшись домой получила хлѣба, и послѣ этого—уже аминь, какъ рукой сняло! 6) Для подготовки какъ всадника, такъ и лошади къ приѣмамъ удали одиночнаго наѣздничества, уздечка имѣетъ на своей сторонѣ

несомнѣнно болѣе преимуществъ, нежели мундштугъ; брать намъ примѣръ въ этомъ отношеніи съ кавалеріи европейцевъ никакъ не придется. Какъ составъ нашихъ людей, такъ качество лошадей, и особенно географическое положеніе нашей страны, всегда представляли, представляють и будутъ представлять самый лучший матеріалъ для кавалеріи вообще и для одиночнаго наѣздничества въ особенности, и никакіе европейцы, включая туда и англичанъ, никогда не смогутъ спорить съ нами по этой части. Бываютъ и у нихъ единичныя исключенія, могущія потягаться съ нашими наѣздниками, но масса — никогда! и никакія искусственныя поддѣлки и напряженія не могутъ идти въ уровень съ дарами, данными самимъ Богомъ. Представителями же самаго лихаго одиночнаго наѣздничества суть: всякіе доморожденные охотники, казаки, сельскіе прикащики, разные инородцы и т. д., заставляющіе продѣлывать своихъ лошадей баснословныя штуки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знающіе даже о существованіи какого-то мундштука.—Вотъ съ нихъ и слѣдуетъ брать примѣръ. 7) Приходится слышать очень часто приводимый въ пользу оставленія въ кавалеріи мундштуковъ слѣдующій примѣръ: Нижегородцы, выступивъ въ 1855 году въ походъ подъ Карсъ на уздечкахъ, по прошествіи нѣкотораго времени принуждены были послать въ штабъ-квартиру за мундштуками, потому-что управляться съ лошадьми на уздечкахъ оказалось невозможнымъ. Можно отвѣтить на это слѣдующее: а) если солдатскіе трензельки теперешняго образца слишкомъ круглы и толсты, то трензельки 50-хъ годовъ—толщиною въ палецъ, т. е. почти такія же, какъ теперешнія манежныя уздечки, положительно не были годны для ѣзды въ одну руку; во первыхъ они слишкомъ толсты, а потому удобны для захватыванія зубами; а во вторыхъ, попадая въ углы губъ, они производятъ весьма нечувствительное дѣйствіе, опять-таки благодаря своей толстотѣ и округленности. Казачьи уздечки очень тонки, четверугольны, для строптивыхъ лошадей перекручены еще въ видѣ спирали—а это совсѣмъ иное дѣло. б) Англійская кирасирская бригада, изрубленная въ Крыму нашими маршевыми Уланами, въ томъ же 54-мъ году уничтожена, единственно благодаря тому, что была занесена своими лошадьми, а англичане эти были народъ отборный, здоровый, одно слово кирасиры и иначе какъ на мундштукахъ не ѣдили; почему же они не удержали лошадей? При чемъ же и тутъ мундштуки? в) Впродолженіе всего закубанскаго похода Сѣверцы, да и Нижегородцы тоже, дѣйствовали все время на уздечкахъ и не слышать было, чтобы они заявляли неудовольствіе по этому поводу; должно быть трензельки позамѣнили болѣе подходящими? г) Во время Польскаго мятежа 1863 года л.-гв. Гродненскаго полка поручикъ Ремеръ былъ изрубленъ потому, что лошадь занесла его въ банду, а онъ былъ на мундштукѣ. Слѣдовательно опять неустойка! 8) Упрекъ, дѣлаемый уздечкамъ въ томъ, что при ѣздѣ

на нихъ не можетъ быть соблюдена *сомкнутость*, не состоятеленъ, потому-что казачьи полки, состоящіе при регулярныхъ дивизіяхъ, имѣютъ совершенно одинаковую съ регулярными полками сомкнутость, какъ на церемоніальномъ маршѣ, такъ и при атакѣ (не лавой) и при всѣхъ прочихъ перестроеніяхъ, а къ концу лагеря такъ и не отличить ихъ ничѣмъ; это видитъ всякій ребенокъ и закрывать на это глаза никакъ не приходится. Такъ называемые *Бураки* или *Римскіе свѣчи*, т. е. когда вдругъ выскакиваетъ изъ фронта *одна*, за ней другая, тамъ, глядя на нее, иногда третья лошадь и давай носиться по полю, перегоняя другъ друга, случаются одинаково, какъ въ регулярныхъ полкахъ, такъ и въ казачьихъ, и случаются они преимущественно весною, при первыхъ полевыхъ ученьяхъ, такъ сказать съ жиру. Да впрочемъ стоить ли распространяться о *сомкнутости*, когда какихъ нибудь три десятка драгунскихъ коноводовъ проводятъ лошадей всего эскадрона, на церемоніальномъ маршѣ, другой разъ лучше даже выравненными и съ соблюденіемъ дистанціи между шеренгами, чѣмъ когда на каждой лошади сидитъ свой хозяинъ: дѣло привычки и понятливости, каковой нельзя не признать за лошадей. Затѣмъ, что можно сказать въ пользу мундштука? Говорятъ, что при немъ требуется меньше физической силы для управленія лошадей и что ѣзда на мундштукѣ выглядитъ красивѣе. Но силой, какъ было уже сказано, съ лошадью ничего не сдѣлаешь, какъ на мундштукѣ, такъ и на уздечкѣ и лошадь оказывается сильнѣе всякаго человѣка, при чемъ на уздечкѣ можно справиться съ нею, такъ или иначе, а на мундштукѣ никогда; наконецъ лошадь, противъ которой приходится употреблять силу, будь ли то на мундштукѣ, или на уздечкѣ, есть уже лошадь не доѣзженная, не готовая, или случайно чего нибудь испугавшаяся, для славы съ которой уздечка все таки представляетъ больше гарантіи, чѣмъ мундштукъ. Совать же въ ротъ лошади и то, и другое, какъ дѣлаемъ мы теперь, невозможно, вслѣдствіе тысячи требованій, назойливо предъявляемыхъ ходомъ вещей, и надо избрать что нибудь одно. Что же касается красоты, то и она есть дѣло условное; всадникъ, ѣдущій на хорошо подобранной статьями и прекрасно выѣзженной на мундштукѣ лошади, представляетъ дѣйствительно красивую и пріятную для глаза картину. Если посадить Кирассира, Лейбъ-Гусара, Конно-Гренадера, въ ихъ типической обмундировкѣ, на уздечку и придать имъ казачью посадку, то въ самомъ дѣлѣ выйдетъ картина очень не красивая; по этой же причинѣ было очень некрасиво видѣть Донскихъ казаковъ, носившихъ одно время короткіе мундиры и узкіе шаровары: Офицеры изъ франтовства, желая походить на регулярныхъ, а казаки глядя на нихъ, и изъ экономіи; казачья посадка требуетъ или долгополыхъ мундировъ (хотя какъ теперешніе новаго образца), или куртки съ широчайшими шароварами, какъ въ старину; а армейской кавалеріи, съ ея теперешней формой, уздечка и казачья посадка приста-

нутъ исполнѣ. Наконецъ, возможно ли при современныхъ требованіяхъ обращать вниманіе исключительно на красоту? Обученіе новобранца и молодой лошади ѣздѣ на мундштукѣ со всѣми ея требованіями и посадкой поглощаютъ слишкомъ много времени; когда лошадь и новобранецъ исполнѣ обучены ѣздѣ на уздечкѣ, тогда только приступаютъ къ обученію съизнова на мундштукѣ (вмѣсто того, чтобы на уздечкѣ соединить оба повода въ одну руку), и не смотря однако на всѣ старанія, ѣзда эта годъ отъ году идетъ все хуже и хуже—недоучекъ людей и лошадей набирается все больше и больше и ихъ приходится терпѣть. Послѣдствіемъ ѣзды на мундштукѣ оказывается изрядное количество лошадей, напрасно пропадающихъ для службы отъ болѣзней, какъ-то: слѣпота, ящуръ, колеръ; а сколько сбывается ихъ въ бракъ, подъ вымышленными болѣзнями, для того, чтобы избавиться отъ лошадей не поддающихся премудростямъ мундштука, безобразящихъ фронтъ и служащихъ поводомъ къ постояннымъ выговорамъ? А все это говоритъ на столько положительно противъ мундштука, что я исполнѣ убѣжденъ, что отмѣна мундштуковъ—дѣло самаго близкаго будущаго.

II. Посадка,

требуемая уставомъ для *шага, галоп* и *карьера*, исполнѣ правильна; долговременная практика, въ концѣ концовъ, сама приводитъ къ этой посадкѣ и ее употребляютъ и Турокъ и Арабъ и Персіанцы (только не наѣзники Монгольскихъ племенъ, ѣздящіе на слишкомъ короткихъ стременахъ, вслѣдствіе усвоенной еще съ дѣтства привычки сидѣть даже на полу со скрюченными въ калачъ ногами) и Донской казакъ, и всякій охотникъ, никогда не знавшіе манежа; причеиъ не зная названія разныхъ терминовъ, какъ-то: *шенкеля, шлюсъ* и т. д., они употребляютъ все это. А потому начинать съ конца, т. е. требовать съ новобранца, чтобы онъ непремѣнно сразу сѣлъ, какъ того требуетъ уставъ—неосновательно. Надо требовать, чтобы онъ усвоилъ поскорѣ отличительныя черты и потребности строевой посадки: не болталъ локтями, не выворачивалъ носковъ, сидѣлъ крѣпко и зналъ управлять лошадью и оружіемъ; приставать же къ простолыдину съ разными непонятными терминами и требованіями, напрасно! онъ будетъ только путаться и забывать главное; а усвоить все это послѣ продолжительной ѣзды первыхъ лагерей, и послѣ того, что полетить съ лошади раза два. Ужъ если всѣ эти: *зады подъ себя, не вышибай поясницы, попадай разрывомъ въ самую середину сѣдла* и т. д. туго даются (и все таки практикой, а не словесными увѣщаніями) намъ людямъ болѣе развитымъ, такъ что же вы хотите отъ новобранца? Помню, что когда еще лѣтъ 14 я сталъ брать уроки манежной ѣзды, какъ сердились на меня Берейтора и нѣсколько разъ объявляли, что перестанутъ учить меня за то, что я *не хочу* заниматься. «Какъ не хочу, а приѣхалъ-то я на урокъ, за чѣмъ, по такой погодѣ,

съ другого конца города? а деньги за чѣмъ плачу? кто неволить меня дѣлать это?» «Такъ что же Вы не слушаетесь и не исполняете того, что Вамъ говорятъ?»—«И слушаюсь и стараюсь исполнить изо всѣхъ силъ, но сразу, со всѣми требованіями не управляюсь: погоняюсь за *носками*, смотришь—или *поясница*, или *задъ* выѣхали; справишься съ ними, а тутъ *отъ коленъ ноги назадъ* ушла впередъ; уберешь ногу и содержишь въ порядкѣ всѣ поименованныя части, анъ глядь—*кулаки* или *локти* разѣхались и т. д. Что же касается посадки, требуемой Уставомъ для *рыси*, то она столько не подходяща, что если смѣялись и порицали прежнее вытягиванье носковъ въ пѣхотѣ и изученіе впродолженіе цѣлыхъ годовъ маршировки *тихимъ шагомъ*, то все это, въ сравненіи съ посадкой на *рыси*,—верхъ премудрости и пользы. Требованіе: не упираться на стремяна, разъ они есть; держать корпусъ отклоненнымъ нѣсколько назадъ; подпрыгивать какъ статуя на сѣдлѣ въ тактъ бѣга лошадей; отрывать себѣ, при каждомъ взлетѣ и обратномъ паденіи въ сѣдло, легкія и колотить своей тушей, какъ ступой, спину лошади все въ одну и ту же точку—очень необходимо для службы и очень удобно для всадника и лошади, особенно послѣ ѣды; всадникъ задыхается, прикусываетъ себѣ языкъ и икаетъ, а лошадь вторитъ ему по своему! Въ Николаевскія времена, когда требованія посадки были еще строже: стремяна были на столько длинны, что ихъ можно было на силу достать не иначе какъ носкомъ вытянутой во всю длину ноги, при чемъ требовалось, чтобы плечо, колѣно и носокъ всадника приходились на одной линіи, все равно какъ у стоящаго на землѣ человѣка, и то несостоятельность подобной посадки бросалась всѣмъ; почему дозволялось, въ военное время, подтягивать стремяна гораздо короче, и на *рыси*, какъ аллюрѣ болѣе всего употребительномъ и продолжительномъ, подаваться корпусомъ впередъ, для облегченія какъ самаго всадника, такъ и лошади. Теперь ушли гораздо дальше: сдѣланы значительныя облегченія въ посадкѣ вообще и ввели въ употребленіе *полевую* *рысь*, съ держаніемъ въ четыре повода, съ наклонномъ корпуса въ передъ, съ упоромъ и привстаиваніемъ на стремянахъ; но и тутъ безъ комедіи не обошлось: требуется, чтобы привстаиваніе производилось не въ одинъ темпъ, какъ того требуетъ натуральный бѣгъ лошади, и что невольно дѣлается всякимъ казакомъ, но чтобы оно производилось непременно въ *два* темпа по Англійски, чего не только-что не въ состояніи понять и добиться солдатъ, но что не скоро дается даже и другому офицеру, потому что въ этомъ нѣтъ ни какой инстинктивной надобности и оно не подходитъ къ натуральному бѣгу лошади. Вотъ, если сѣсть на лошадь, съ очень крупною рысью и въ добавокъ тряскую, то безъ всякихъ вашихъ приказаній и объясненій, на третьей, много на четвертой верстѣ, оно само начнетъ подкидывать васъ въ два темпа, и тогда и лошади, и вамъ будетъ легко и удобно, а пересядете на другую